УГО ПЕРСИ

ОБРАЗ ВОСТОКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НОВАЯ ПОЛЬША»

Массмедийный дискурс – феномен, порождаемый деятельностью масс-медиа (Добросклонская 2008; Засурский 2007; Кириллова 2006; Кожемякин 2010; Солганик 2005). Совокупность его целей «выводится из потребности общества… в актуальной информации, позволяющей человеку увидеть себя в знаках и координатах совершающейся (событийной) жизни», одной из таких координат является «переживаемая территория» (Полонский 2009: 15). В данной работе хотелось бы обратить внимание на польский русскоязычный журнал «Новая Польша» и на образ Востока, воссоздаваемый на его страницах.

Журнала «Новая Польша» появился в конце XX столетия. Главной целью его, по мысли Е. Гедройца, должно было стать устранение предубеждений, существующих между народами, прежде всего между поляками и русскими, поэтому журнал ставил перед собой задачу привлекать авторов, готовых не только спорить, но и слушать, авторов, для которых актуальными являются ценности диалога на основе уважения и объективного знания, прежде всего о славянском мире (Прим.1.).

Таким образом, журнал «Новая Польша» как будто не ориентирован на темы, связанные с Востоком, однако нужно иметь в виду, что благодаря особенностям польской культуры и польского менталитета поляки даже европейскую Россию воспринимают как «восток». Знаковым в связи с этим является переименование Общества польско-советской дружбы в Общество сотрудничества «Польша-Восток».

Ощущение перспективного удаления формируется в журнале как в географическом и геополитическом, так и в историко-культурном плане. В первом случае – благодаря статьям и интервью политического, политико-экономического и географически-одепорического (Прим.2) содержания. Во втором – благодаря статьям о «восточном» опыте жизни поляков. Мы коснемся прежде всего историко-культурного аспекта. В поле нашего зрения будут многочисленные статьи, опубликованные в «Новой Польше» и имеющие, с разных точек зрения и в разном масштабе, своим объектом Восток, однако не в строго географическом определении, а скорее как ощущение, включающее такие территории, как, например, Сибирь, Казахстан, Узбекистан и Грузию.

В поле нашего зрения находятся статьи следующего типа:

1) статьи о присутствии поляков или их потомков на названных территориях;
2) статьи одепорического характера о дневниках, путевых заметках и воспоминаниях поляков, уехавших на Восток, как добровольно, с научной целью, так и в ссылку;

3) статьи литературного содержания, рассказы, стихотворения.

Надо заметить, что многие статьи имеют смешанный характер.

Так, например, статья Камилы Шиманчик предлагает особый и весьма интересный аспект отношений Польши с восточным миром благодаря тому, что речь идет о татарах, которые пришли и поселились в Польше. В 1400 г. королю Яну III Собескому грозило бы поражение со стороны турецкой армии, если бы татарский капитан Крычинский не оказал ему поддержки, разгромив вражеские войска. Король наградил его имением Крушинианы в Бялыстокской области, где поселилось около 400 человек татарского происхождения. До сегодняшнего дня жители этих сел исповедуют ислам и живут в совершенно добром согласии с католиками и православными и носят фамилии, свидетельствующие об их татарском происхождении.

Поляков татарского происхождения сейчас около 3000, однако мало тех, кто остался на родной территории. В селе Бохоники четыре семи, а в Крушинианах только две. Несмотря на это, во время первого полнолуния после католической Пасхи к деревянной мечети Бохоник съезжаются многие представители того племени. Мечеть в Бохониках – самая древняя в Польше, так как она была построена около середины XVIII века. На могилах можно прочитать имена, экзотически звучащие в тех краях – Фатима, Зулейка, Осман, однако польские татары не хотят, чтобы их считали объектом любопытства, потому что они чувствуют себя настоящими поляками.

В статье Алексея Волкова, посла и полномочного представителя Казахстана в Польше, речь идет о поляках, живущих в Казахстане. Волков напоминает, что первый поляк, документально присутствующий на территориях, соответствующих современной Казахской республике, был монах Бенедикт Полак, который отправился вместе с итальянским монахом Джованни да Пиан дель Карпине в монгольскую империю в 1246 г. Хорошо известны сведения, которые Джованни, один из сотоварищей Франциска Ассизского, оставил об обычаях и нравах кочевых народов Средней Азии в своей книге «Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus» – одном из основных документов истории европейского средневековья. Необходимо все же совершить немаленький скачок времени, то есть до 30-х годов XIX века, чтобы установить первые значительные приезды поляков на казахские территории, однако, увы, в связи с трагическими судьбами политических каторжников. Среди них находились такие выдающиеся лица, как, например, Адольф Янушкевич, соратник Адама Мицкевича и незаурядный знаток обычаев казахов и казахского языка. Научный плод его знаний – книга, опубликованная в Берлине и Познани в 1861 г., «Listy ze stepow kirgizkich». Другой важной личностью был Густав Зелинский, автор знаменитой поэмы «Kirgiz. Powieść». Польского происхождения был другой знаменитый исследователь казахских традиций – русский музыковед Александр Затаевич, чье собрание сверх двух тысяч казахских песен до сих пор остается уникальным. Затаевич в 20-х годах XX века переехал в Оренбург, главный в ту эпоху город Казахстана.

Под предлогом «ненадежности» и сговора с польской тайной службой

безопасности сталинская репрессия на Украине в 30-х годах жестоко ударила по польскоязычному населению. Вследствие того было депортировано в Казахстан около ста девяноста тысяч человек. Прием поляков со стороны казахов было в общем доброжелательно. Вопреки весьма сложным условиям жизни поляки в Казахстане не потеряли своей национальной культуры. Поэты, например, выражали в стихах окружающую действительность – пейзажи, отношение с местными людьми, беседы с ними вокруг костра о красоте и горестях жизни. Интересная и, может, не всем известная деталь – то, что во время Великой Отечественной войны именно в Казахстане была создана армия знаменитого польского генерала Владислава Андерса.

Сегодня в Казахстане проживает около пятидесяти тысяч поляков, хотя их было бы два раза больше, если учесть тех, кто был прописан как русский или украинец. Самые компактные группы живут в северных и алма-атинской областях. Казахстанские поляки очень активны: среди них отличаются юристы, ученые, бизнесмены. Их интеграция в социальную ткань страны можно уже считать совершенным фактом, которому способствовала социальная политика Казахстана, характеризующаяся максимальной этнической толерантностью. Вследствие того предложение репатриации, сделанное Польшей своим соотечественникам в 2001 г., проживающим Кахахстане, осталось практически без ответа. Сейчас особенно интенсивный обмен между двумя странами наблюдается в области образования молодежи. Небезынтересно заметить то, что в Казахстане существует телевизионный канал «Полониа».

Поляки, воюющие против царизма, которые в течение XIX века были арестованы и отправлены в ссылку, не направлялись исключительно в Сибирь, но и на Кавказ. Первый значительный контингент поляков оказался в Грузии в 1832 г., а в начале XX века самая компактная польская колония находилась в Тбилиси. Среди них были юристы, инженеры, садовники, купцы и ремесленники. Отношение между поляками и грузинами, может быть, благодаря сходству некоторых аспектов их историй, всегда отличалось глубоким взаимопониманием. В первые годы советской власти много поляков грузинского происхождения, как и их соотечественники из Казахстана, были зарегистрированы как русские или украинцы, однако, наверное, благодаря большей возможности транспортных связей с Европой, большинству из них удалось эмигрировать.

По неофициальным оценкам в Грузии сегодня проживает около восьми тысяч поляков, хотя многие считают себя скорее грузинами польского происхождения. По этим причинам польская культура в Грузии не очень активно представлена. Выделяется, однако, деятельность Ассоциации грузинских поляков и Польской школы в Тбилиси, в которой 135 детей (в 2008 г.) изучает язык, историю и географию Польши. Польская школа в Тбилиси предлагает себя также в качестве центра объединения тех, кто по разным причинам заинтересован в этой стране. Школа намеревается также стать культурным мостом к Турции, стране в которой, недалеко от Стамбула, живут потомки поляков, не имеющих возможность пользоваться польской школой.

Эта первая группа статьей показывает, насколько «Новой Польше» важно стать своего рода соединительной тканью Полонии, распространенной в русском или бывшем «советском востоке», и навести «мосты» между метрополией и эмиграцией. Иногда это получается, возможно, с некоторой натянутостью, как, например в случае музыковеда Затаевича, которого, несмотря на его безусловные польские корни и недолгий период деятельности в Варшаве, родившегося около Орла, по всей видимости, все же нужно считать настоящим русским музыковедом.

Другой элемент, объединяющий статьи журнала, это подчеркивание хороших отношений поляков с народами, которые их принимали. Создается впечатление, что хотелось выделить определенную солидарность среди угнетенных народов при тотальном молчании обо всем русском, к которому, при необходимости, обращаются лишь беглыми отрицательными намеками. Как кажется, это противоречит принципам беспристрастности и преодоления идеологических предубеждений, с самого начала провозглашенным журналом. В самом деле, иногда больше поражает несказанное, чем написанное, хотя в данном случае, повторяем, дело касается небольших статьей, не претендующих на какое бы то ни было обобщение.

Состав, безусловно, более интересный с методологической и научной точки зрения образуют статьи, посвященные перипетиям поляков, которые, несмотря на свою трагедию, на «русском востоке» смогли работать и способствовать развитию науки и знанию вообще. В этой перспективе выделяются статьи Антония Кучинского (прим. 3) «Поляки в истории Сибири и записки Адама Каменского-Длужика» (№ 5/2001), «О поляке, который Сибирь описал и с Пугачевым воевал» (№ 4/2001) и «Он Сибири не боялся» (№ 5/2000).

В начале своей первой статьи А. Кучинский подчеркивает, что имена многих польских сосланных, волей или неволей способствовавших русской экспансии на восток, остались без следов и без истории. Наоборот, другие имена вошли в летопись русско-польских отношений и не только как просто имена, а как люди, которые стали основателями городов или авторами важных произведений другого порядка, освещающих историю Сибири. Первым из этих произведений можно считать «Диариуш» («Дневник») Адама Каменского-Длужика. Будучи арестованным в 1660 г. и сосланным в Якутск, Каменский-Длужик оставался в этом городе с 1664 до 1668 г. и работал сторожем в местной тюрьме (Прим. 4). В «Диариуше» описания Сибири следуют друг за другом по этапам путешествия из Москвы в Якутск: города, реки, горы, население и его обычаи, нравы и религиозные верования, виды транспорта. Народы, о которых автор говорит подробнее – тунгусы и, в особенности, якуты, являющиеся искусными кузнецами благодаря изобилию железа, находящегося в рудниках на берегах Лены, и умелыми охотниками, снабженными отличными кинжалами, топорами и наконечниками стрел, ими самими кованными.

Вторая статья А. Кучинского «О поляке, который Сибирь описал и с Пугачевым воевал» касается Карола Лубича-Хоецкого, барского конфедерата (прим. 5), автора книги воспоминаний, ценность которой подтверждена

многочисленными изданиями: в 1789 и 1790 гг. на польском языке, в 1883 и 1886 гг. на русском, в 1992 и 1997 гг. снова на польском. Речь идет об одном из первых значительных документов об огромных зауральских территориях, а также о сражениях между царской армией и сторонниками Пугачева, о потерях и о варварстве и той, и другой стороны. Лубич-Хоецкий описывает обычаи и нравы киргизов, однако добавляет сведения о присутствии русских купцов, которые в то время организовали важные ярмарки в тех краях. Эти сведения доказывают также то, что до русской экспансии казахи занимали территории, находящиеся значительно севернее по сравнению с сегодняшними границами. Лубич-Хоецкий подчеркивает, что сосланные поляки пользовались хорошей репутацией, что не только сибиряки им помогали и облегчали их страдания, но и органы власти некоторых городов, через которые они проезжали, например Казань, Тару и прежде всего – генеральный губернатор Тобольска, дома у которого, как рассказывает автор, поляки бывали «десятками» за столом, так как застолье было у губернатора не только щедрым, но и открытым большому количеству людей. С другой стороны автор отмечает, что в то время были и телесные наказания, и духовно-нравственное притеснение. Воспоминания К. Лубича-Хоецкого являются одним из самых важных источников о сибирско-польских и вообще русско-польских отношениях.

В своей третьей статье А. Кучинский рассказывает о судьбах художника Бронислава Залеского (1820-1880 гг.), исходя из издания, вышедшего за 10 лет до русско-казахского перевода книги «La vie des steppes kirghizes» («Жизнь киргизских степей»), опубликованной в Париже в 1865 г. Речь идет об одном из самых значительных этнографических исследований всех времен о населениях Казахстана, о котором все-таки широкая казахская публика узнала с опозданием в сто двадцать пять лет. Книга украшена ценными литографиями, сделанными самым автором. Б. Залеский, происходящий из аристократической семьи, поступил в Дерптский (Тартуский) университет, однако из-за патриотической антирусской деятельности его выслали в Черниговскую губернию. Из Чернигова он переехал в Вильнюс, однако из-за повторной антирусской деятельности его завербовали рядовым в отряд, отправляющийся в Оренбург. Там он оставался десять лет и подружился с Тарасом Шевченко. Он был в качестве рисовальщика в многочисленных экспедициях в Казахстане, в течение которых мог наблюдать за жизнью и нравами людей и зафиксировать их в своих рисунках: юрты степных кочевников, женщин, погребальные обряды, торговые навыки и многое другое. Из книги Залеского мы узнаем, например, что ислам не принес значительных изменений в жизни казахского общества и в его духовной культуре, а, наоборот, феодальный строй, основанный на власти беев, подрывали отдельные договоры, заключенные с ними русским правительством. Кроме того, Залеский говорит о том, что первые польские сосланные в Оренбург по политическим причинам уже в XVIII веке были именно конфедераты Бара. Особенно интересен тот факт, подчеркнутый Залеским, что русской экспансии на восток и потом с отрога Урала на юг к Казахстану значительно способствовали именно поляки, рекрутированные в русскую

армию. После освобождения Залеский прожил несколько лет в Минске, а затем окончательно переехал в Париж, где активно действовал в польской эмиграции. Умер Залеский в Ментоне – городе на французском средиземноморском побережье.

Марек Карпинский в публикации исключительно информационного характера «Сибирь – общее историческое пространство» предлагает вниманию читателей «Новой Польши» еще одного персонажа полькой истории. Речь идет о Шимоне Токажевском, аристократе, арестованном из-за бунтарской деятельности и сосланном в Сибирь. Он передвигался по этапу в Омск целый год. Там он разделял каземат с Федором Достоевским и Сергеем Дуровым. Омск, однако, не был его последним этапным пунктом. Затем были Александровск на Амуре, Иркутск и Благовещенск. Токажевский вернулся в Варшаву в 1883 г. С того момента он начал писать свои воспоминания, собранные в недавно появившемся, почти 1000-страничном русском издании под названием «Сибирское лихолетье» (Прим. 6).

Нельзя не заметить в целом высокий культурный уровень журнала «Новая Польша», широкую палитру его интересов и похвальное намерение ознакомить обе стороны – российскую и польскую – с историей одного и другого народов, в том числе представляя малознакомые аспекты. Однако остается все же впечатление, что в подборе материалов есть «настаивание» на «старых ранах» Польши. Это оправдано в историческом плане, тем не менее, вызывает сомнения для будущего. Ошибки прошлого неоспоримы, но только на основе доброй воли можно строить будущее взаимопонимание.

Журнал «Новая Польша» может многое сделать в этом направлении.

Список литературы:

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. – М., 2008.

Засурский Я.Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. – М., 2007.

Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – 2-е изд. – М., 2006.

Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки. 2010. – Т. 6. № 12; Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – .№ 2. – С. 7 – 15.

Полонский А.В. Сущность и язык публицистики. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2009. – С. 15.

Полонский А.В. Сущность и язык публицистики: Учебное пособие. – Белгород, 2009.

Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7 – 15.

Примечания:

1. http://www.novpol.ru/index.php?id=63
2. Одепорический – относящийся к путевым заметкам, дневникам и т.п.
3. А. Кучинский – этнолог, профессор Вроцлавского университета и директор Центра исследований о востоке при том же университете, редактор книги «Syberia w historii i kulturze narodu polskiego» (Wrocław, 1998).
4. Этот факт установлен архивными исследованиями русским историком Б. Полевым, но в своих воспоминаниях сам Каменский-Дружик о своей службе в якутской тюрьме не упоминает.
5. Барская Конфедерация - вооруженная патриотическая ассоциация шляхты, разгромленная русским властями в 1772 г.
6. Изд. Кузбассвузиздат. Кемерово, 2007 г. По мнению автора статьи на польском языке существует только издание, сделанное сто лет назад.